

В профиль

Женя-Катово жил возле Сабанеева моста во втором дворе бывшего доходного дома и, как говорил Саша-точильщик, если сюда идти с Севера, то надо взять влево и вниз, а если из Владивостока — то лучше кружным путем через Индию и не забывать спрашивать: в каком порту на Гаванной улице находится баня с небольшой парикмахерской, куда вам лучше не заходить. При этом Саша-точильщик засовывал очередной окурочок папирос "Сальве" в пасть льва и орал: "Ожил, змея! Но шницель битвы до поры хочу!".

С Гаванной нужно было свернуть под арку, которую украшали вмурованные по уши головы львов, пройти гулкий грязный колодец первого двора, нырнуть в короткий тоннель и оказаться во втором дворе, где стоял двухэтажный довесок бывшего доходного дома — флигель, с обычными квартирами. Но квартира, в которой обитал Женя-Катово, была не совсем обычной: входная дверь из единственной комнаты открывалась прямо на лестницу — прихожей не было. Так что широкая лестничная площадка служила и кухней, и холлом, и прихожей. И, в какой-то мере, изысканной гостиной с венским стулом и плитой с баллонным газом. До того как Женя-Катово поселился в этой комнате-квартире, он шоферил в Болградском районе. Был сиротой — потерял родителей после пожара родимого дома, воспитывался миром и дальними родственниками, становился на ноги, выходил в люди, и уже было вышел, но оглох.

А пока все это происходило, в комнате-квартире проживала одинокая женщина Светлана Александровна, продавщица магазина канцтоваров на Екатерининской возле кафе Фанкони. Светлана Александровна когда-то получила это жилье от районного торга и сразу из хозяйственного магазина пошла на повышение в канцтовары, поставила на лестничной площадке газовую плиту, решила жить тихо, то есть изучать и готовиться. Изучать канцтовары. Готовиться в техникум. Изучать объявления об обмене, готовиться к переезду. А в своих максималистских мечтах она видела себя бескомпромиссным ревизором, грозой бухгалтерий, складов и баз.

Но частые посещения лицами мужского пола, которые хотели быть подалеже от газплиты и поближе к самой Светлане Александровне, мешали ее намерению жить тихо, да еще соседка слева, вечно заспанная Антонина, жена лейтенанта-моряка, поставила рядом со взрывоопасным газовым баллоном венский стул и, как только запахнет вареным или жаре-

ным, выходила "на огонек", усаживалась и страстным шепотом расспрашивала: что за мужчина был вчера у Светланы Александровны, какого сорта, звания. С какими намерениями приходил и не пытался ли остаться до утра — так что тихая жизнь осложнилась замужней завистью соседки и настойчивостью мужского пола.

В своем Болградском районе Женя-Катово об этом ничего не знал, а появился он возле Сабанеева моста позже. И произошло это, собственно говоря, из-за сквозняков. Весенних опасных сквозняков. Светлана Александровна опрометчиво вымыла утром голову и помчалась в свои канцтовары, а там двери вечно расшаганы настежь, и на следующий день будущий бескомпромиссный ревизор Светлана Александровна отправилась в поликлинику на Приморский бульвар. В правом ухе стреляло, в левом было щекотно. В поликлинике ее осмотрели, покачали головой и записали на прием к специалистке, как сказала женщина из больницы очереди, — на прием к "большой светиле по ухам".

Эта "светила по ухам" принимала в тот же день. И Светлана села в коридоре на стул рядом с худым мужчиной, который никак не отреагировал на ее появление.

— Я буду за вами? — утвердительно спросила по одесскому обыкновению Светлана.

Худой молчал. Он был в майке-сеточке. Его парусиновые брюки морщились. Пиджак он скомкал и положил на колени. Молчал. Да еще пристально смотрел перед собой. "Наверное, слепой", — подумала Светлана Александровна и сверилась с табличкой: в тот ли кабинет она пыталась занять очередь? Кабинет был тот. Светлана, чтобы как-то обозначиться в очереди, снова утвердительно спросила:

— Я за вами, если, конечно, ваш номерок крайний передо мной.

Худой не шелохнулся. Тогда Светлана Александровна преднамеренно качнулась, задела мужчину плечом и посмотрела на него, как говорила соседка Антонина, изо всех сил, то есть повернула голову так, что уткнулась подбородком в свое плечо, а глаза ее блеснули, как показавшиеся из-под воды перископы.

Мужчина повернулся — и были его очи отчаянно живыми, синими, лицо загорелое, но не кирпичное и жесткое, и чем-то приятным и бархатным повеяло на Светлану Александровну.

— Вы мне что-то сказали? Повторите, пожалуйста, что вы мне сказали...

Он почему-то виновато улыбнулся. Светлана тут же простила ему его вину, хотя в чем он виноват, ей было неведомо.

— Я просто спросила... Если вы в этот кабинет, то я буду за вами.

— Да. Я к врачу, — коротко ответил он. — Я ваз пропущу впереди зебя.

Светлана на всякий случай ничего не ответила и удивилась: вежливый, а говорит как-то странно. Вдохнула: мужчины всегда вежливы, если у них что-то не так. А ее сосед уже не отворачивался, смотрел на Светлану Александровну так же пристально, как только что смотрел на стену. Потом спросил:

— Я плохо говорю? Очень заметно?

— Не очень.

— Значит, заметно. Отвык я разговаривать.

— Почему отвыкли?

— А я зовсем ничего не злыщу.

— Но как же вы со мной разговариваете, если ничего не слышите?

— А я по губам понимаю. У ваз губы очень выразительные.

Такого о своих припухших и слегка подкрашенных губах Светлана Александровна еще не слыхала. И она подумала, что ее разыгрывает этот худощавый. Да и сидел он не как все, склонившись, а прямо. Как пианист. "Если он не слепой, да еще разыгрывает, что не слышит, тогда у него что-нибудь с позвоночником", — решила она.

— Вы мне не верите, — догадался мужчина. — Я вообще по губам плохо понимаю. Но ваз я понял сразу. Меня зовут Женя. А ваз?

— Светлана Александровна, — ответила она, определив дистанцию дальнейших взаимоотношений.

А взаимоотношения эти не замедлили продолжиться. Женю все-таки вызвали первым к "светиле по ухам". Он виновато развел руками и скрылся за дверью кабинета. Светлана отметила: высокий, прямой, как весло. Она вдруг подумала: "Этот Женя сказал бы: прямой, как "везло". И ей стало смешно.

Очередь начала нервничать, потому что Женя довольно долго был в кабинете. Когда он вышел, то взглянул на Светлану грустно. В свою очередь, Светлана Александровна взглянула на Женю ободряюще. "Светила по ухам", врач-ларинголог Эльза Михайловна не нашла ничего опасного в простуде Светланы, посоветовала беречься. Женя встретил Светлану в вестибюле. На бульвар они вышли вместе. Обе стрелки часов на здании бывшей Думы выглядывали из-под правого уха памятника Пушкину. Тени от платанов покачивались под ногами легкими занавесями. Женя остановился возле памятника. Заложил руки за спину и старательно произнес по складам, почему-то взглянув на Светлану:

— Вот. Пучкин.

Светлане Александровне стало грустно, она посмотрела на этого взрослого беспомощного мужчину и сразу поверила ему во всем. "Эх ты, Пучкин", — растерянно подумала она. То, что происходило с ней сейчас, было Светлане Александровне незнакомо. Бывало, к ней в гости на Гаванную приходил стивидор из порта, и, когда угощал американской жвачкой и сигаретами, Светлана Александровна могла спокойно сказать, что она не жует и не курит, хотя подарки принимала — они стоили денег. Знакомого флейтиста из филармонии она держала на расстоянии высказыванием: "Я же вам не флейта, чтобы вы меня так понимали". В отличие от Светланы, флейтист Шекспира читал и рук не распускал после услышанного. Как-то и прихожанин из соседней кирхи увязался за Светланой Александровной со своими темными католическими намерениями и подарил ей четки. Светлана тут же предложила: "Я ваши четки повешаю на шею как бусы. И место хорошее. И вы о боге не забудете, когда глянете на мою грудь". Светлана Александровна умела быть и шаловливой, и ироничной. Но в мыслях она твердо видела себя замужем за начальником торгова в офицерском мундире, но чтобы он еще при этом вел модную телевизионную программу вместо плюгавого Маслюкова. Материальное обеспечение, блестящий чин и популярность — все это объединялось в голове Светланы Александровны при мысли о будущем.

А тут рядом с ней... шел вчерашний шоферюга, да еще глухой. Ему нужно было ехать в Болград, где у него было полдома, но "светило по ухам" настаивало, чтобы он задержался в Одессе и находился под ее постоянным наблюдением.

От больницы на Приморском до Гаванной рукой подать, но Светлане знакомый путь показался долгим. Шли медленно. Говорить не о чем. Да и спутник глухой. Она впервые отметила для себя, что идут они по красивым местам: порт, похожий на разноцветный торт, знаменитая Потемкинская лестница, выложенная, казалось, из сотен фишек домино, и елочная, слепящая бликами солнца статуя Дюка... Снизу по лестнице из луна-парка к статуе поднималась толпа молодых людей. Их было человек сто. Они окружили статую герцога. Один молодой человек взобрался на постамент и набросил на шею герцога Ришелье связку бубликов. Девушка возле постамента выкрикивала: "Столичное и поместное дворянство! Наш современник Штольц!.. Поход князя Игоря!..". Светлана объяснила своему глухому спутнику, что это выпускники школ гадают по статуе Дюка: какая тема сочинений будет на выпускном экзамене.

— А бублики зачем? — спросил Женя.

Светлана Александровна об этом никогда не задумывалась, но знала, что гадают и на кофейной гуще, а поэтому ответила своему спутнику:

— Ну, не кофе же статую обливать.

Они прошли весь бульвар. Остановились возле остатков решетки дворца Воронцова. Решетка напоминала воткнутые в землю римские дротики. Колоннада дворца была испещрена надписями. Колонны были гладкими, и сделать надпись на пятиметровой высоте казалось немислимым.

— На плечи друг другу становятся и пишут, и пишут, — воинственно заметила Светлана Александровна. — Таковую древность портят!..

Но испортить этот день в начале лета было никому не под силу. Из воронцовских поместий они снова вышли на бульвар, свернули в переулок и по бывшей контрабандисткой тропке в центре города быстро спустились на Гаванную. Весна еще не совсем сошла с городских улиц. Сдобно пахло акацией. Светлана Александровна ощущала в груди тающие льдинки. Женя надел свой пиджачок — его как будто знобило. Но окончательно дело решил диван.

Были сумерки, когда они подошли к дому Светланы. Женя быстро, по-хозяйски повтыкал окурки из черной пасти вмурованного в арку льва. Казалось, что сейчас он был готов перекрасить все унылые дома на Гаванной. Светлана не возражала, когда ее провожатый свернул с ней под арку, подивился каменному колодцу первого двора, опасливо согнулся под второй аркой и вышел к флигелю, где у стены и стоял диван.

Еще утром Антонина вместе с точильщиком Сашей вынесла диван вон из набиравшей уют квартиры. Диван был с высокой спинкой. Наверху были полочки с зеркалами. Когда Светлана присела на него, он издал звук, как будто в магазине канцтоваров кассирша выбила чек.

Вдвоем они и занесли диван в Светланину комнату-квартиру. Антонина столбом стояла в своих дверях и сонно раздумывала о превратностях бывшего львовского мебельного гарнитура. А Светлана Александровна уже в комнате сказала своему провожатому:

— Вот, Пушкин. Тут переночуешь.

Потом на плите жарилась яичница с брынзой, а Светлана сидела на своей тахте, и не было у молодой женщины никакой охоты поверять алгебру гармонией. Женя сидел на краешке дивана. Одобрительно отозвался о единственном окне, что выходило на задворки католической церкви и было увито виноградом. Женя обратил внимание на единственную в комнате картину в облупившейся, но когда-то добротной раме. Картина

изображала море, скалу и парус яхты. Но скала была больше похожа на парус, а парус был тяжелым, как глыба. Женя подивился этому, но картину одобрил, а Светлана гордо сообщила, что картину рисовал ее брат, сейчас проживающий в Молдавии. Из книг в комнате было несколько учебников за седьмой класс и потрепанный роман "Служанка фараона". Женя одобрил и телевизор, который был укрыт специальной накидкой для телевизоров, купленной в магазине вещей с уценкой. О флаконах, помадах, щетках и других предметах культуры, что были разбросаны на подоконнике. Женя не отозвался никак, и ему был вручен ключ от квартиры. Светлана хотела было включить телевизор, но Женя увидел на тумбочке тюбик клея и ножницы. И попросил бумагу.

С этого все и началось

Женя как-то особенно, по-доброму посматривал на Светлану, одаривал ее синью глаз, сидел на спасенном диване спокойно и высоко. И очень к месту. И Светлана Александровна удивилась, поймав себя на мысли: ведь это могло произойти с ней давным-давно. А Женя что-то выстригал ножницами из бумаги, клеил и, закончив, воскликнул:

— Катово! — и протянул Светлане Александровне ее портрет в профиль, вырезанный из бумаги.

И до того было похоже, что она растерялась, потом изумилась и рассмеялась.

— Горит у вас, — оповестила Антонина, заглянув в комнату.

Светлана перевернула яичницу на сковородке и с гордостью, как будто показывала пейзаж брата, продемонстрировала из своих рук свой портрет. Сонное выражение вмиг слетело с лица Антонины, и обе женщины стали похожи на девочек — рассматривали, вертели в руках портрет на картонке, как бы соревнуясь в одобрении этого чуда природы в профиль.

— Катово! — Женя протянул Антонине и ее портрет. И тут Светлана Александровна возревновала, с досады рассыпала брынзу, заволновалась: Антонина на портрете была искусно изображена в профиль рядом с газовой плитой, а из сковородки так и летели брызги масла! Портрет самой Светланы Александровны бледнел по сравнению с этим произведением.

— Художественно вырезает, — одобрила Антонина и бросилась переодеваться, чтобы Женя вырезал ее в новом платье и итальянских туфлях.

В последующие дни отношения наладились своеобразные. Рано утром Светлана Александровна выметала из своей комнаты на лестничную площадку обрезки бумаги, а на стенах оставались ее портреты в профиль. Они были выполнены из бумаги всех цветов и оттенков на подходящем

фоне цветного картона. И больше всего поражало, а порой и удручало хозяйку то, что Женя необъяснимым образом умел с помощью ножниц и бумаги понять ее настроение и неизвестно как передать, скажем, что вечер был холодным, а виноградная завязь в их окне слезилась от дождя, и от этого было зябко и вспоминалась покойница мать.

Еще в детстве Женя удивлял всех своим талантом к ножницам и бумаге, когда украшал родительскую хату к праздникам. Но потом это забылось. А теперь и при посещении "светилы по ухам" Женя стал щелкать ножницами, изображая врача-специалиста при изучении ушных раковин страждущих пациентов. Однажды, поджидая в коридоре свою очередь, Женя вырезал из бумаги по памяти и здание Думы, и пушку с английско-го фрегата, и памятник Пушкину. "Светило" очень похвалило и стало называть его Женечкой, а он ее Эльзой Михайловной. Когда же Светлана узнала обо всем этом, то взяла отгул и прогулялась с Женей по городу, и он ей понавыврезал и легкого Дюка, и ширь лестницы, и грузного Воронцова, и колоннаду, и львицу с потомством из горсада.

— Вырезай мне, как Гильзе своей вырезал, — говорила Светлана, называя Эльзу Михайловну Гильзой. Светлана не считала, что ею руководят мстительные чувства, но что-то вроде сатисфакции она получила. А Женя был готов для нее и на прочие подвиги с помощью ножниц.

Как-то вечером заглянул к ним стивидор из порта. Осмотрел новоявленную картинную галерею, пожал Жене руку и исчез навсегда.

Заходил и филармонический флейтист. Тоскливо посмотрел на диван Жени и спросил: "Можно один профиль Светы на долгую мою память?". Был вырезан с флейтой в зубах, смеялся, пил принесенное с собой "Гокайское", прикинулся опьяневшим и отбыл, насвистывая от обиды.

Прихожанин-католик над каждым портретом восклицал: "Матка Боска!", затем с темными католическими целями предложил: а не пожелает ли пан оформить панно с ягнятами, волхвами и девой Марией с малюткой. Пан отказывался, потому что Светлана тайком сделала страшные глаза.

Через неделю Женя поцеловал Светлане Александровне руку. Сделал он это неумело, как будто намеревался остановить кровь на запястье женщины. Сделал он это по двум причинам. Во-первых, видел по телевизору, как мужчина от невозможности выразить обаявшую его радость, поцеловал руку другому мужчине, правда, старику. Во-вторых, Светлана так открыто радовалась каждому сотворенному профилю, что у Жени сжималось сердце, он вздрагивал от сопричастности к ее восторгу. В ответ на по-

целуй руки Светлана одолжила в канцтоварах ширму, которая там была на случай переучета какого-либо из отделов. Теперь на ночь Женя раздевался не в темноте, а за ширмой. И когда они тушили свет, Светлана Александровна объявляла: "Все. Отправляемся на переучет".

"Какой-то он не типичный, — думала перед сном Светлана. — Двадцать шесть лет. И женщины, наверно, были. Шофер. Левые рейсы..." Именно эти левые рейсы и поцелуй ее руки никак не совмещались в мыслях Светланы Александровны. Сам Женя не мог объяснить, откуда у него такое интересное видение мира с помощью ножниц. Но природа наделила его зорким зрением и твердой рукой. Это проявлялось и раньше в умении писать любым замысловатым шрифтом. Стенную газету в армии он оформлял такой замысловатой вязью, что боевой листок можно было принять за ватиканскую индульгенцию, если бы не красочное изображение на ней тяжелого танка. Однажды соседка Антонина высказала ценную мысль: ножницами тоже можно зарабатывать деньги. И Светлана Александровна пошла ва-банк. Альбом с видами Одессы в профиль она отнесла в редакцию газеты, и деловитые корреспонденты отнеслись к творчеству Жени благосклонно. Они дали задание своему начинающему коллеге взять у Жени интервью. Этот их коллега заранее заготовил умные вопросы и, условившись со Светланой Александровной, пришел на Гаванную. Сначала он спросил, где Женя достает бумагу, картон, какими ножницами пользуется и как часто затачивает их. Так как все сырье, включая ножницы, поставлялись из светланиных канцтоваров, она и заявила опешившему корреспонденту, что готова к любой ревизии, а в случае недостачи все с себя продаст и заплатит. Вспотевший корреспондент немного помолчал, а потом из своего блокнота вычитал очередной вопрос:

— Вы, по сути, график. Кто вам ближе: Дюрер или Мазарель?

— А нам ближе всего в больницу ходить, — немедленно ответила Светлана и с вызовом добавила: — А там до сих пор глухим никакой помощи. Вот о чем надо писать.

Неизвестно, чем бы это все кончилось, но Женя протянул корреспонденту его портрет в профиль — взлохмаченная голова, склонившаяся над блокнотом.

— Как же это у вас получается?! — воскликнул корреспондент, зачем-то ощупывая свое лицо.

Светлана ответила примирительно:

— А что тут непонятного? Он — вырезальщик. А вы — писальщик.

Однажды сияющая Светлана прибежала в больницу и на весь коридор

объявила: "О нас написали!". Правда, вместо интервью была корявая заметка "о не пропадании талантов втуне и использовании их в деле", но заголовок гласил: "Кудесник с ножницами".

Этого было достаточно для решительных действий.

В считанные дни Светлана оформила Жене инвалидность, вступила с ним в брак, автоматически прописала его у себя, дала объявление о продаже половины дома в Болграде и выхлопотала для Жени лицензию на вырезание профилей всех желающих этого граждан, а также разрешение надписывать открытки золотыми чернилами. Нужно было найти точку, место, где новоиспеченный "опытный мастер" мог бы осуществлять контакт с желающими увидеть себя в профиль.

— Ты будешь вырезать их в Аркадии, — решила Светлана.

Женя смастерил плоский ящик, похожий на громадные доски для игры в нарды, прибил к ним ремень и привычно, как будто делал это всегда, закинул свой этюдник-нарды за спину и отправился в Аркадию.

Собственно говоря, Аркадия — это восточная часть Пелопоннеса, отличающаяся счастливой и мирной жизнью, простотой нравов, и воспетая древними греческими поэтами. Древние считали Аркадию пристанищем богов. Поэтому и Женя начал со знакомства с одесскими аркадийскими богами. Они были представлены: Зевсом — хитроватым хилым стариком Ильей Михайловичем, что обслуживал силомеры, Паном — мититейщиком Сашей и... Фемидой — в лице тридцатилетнего парня, неудачно перенесшего полиомиелит. Его звали Павлом. Он взвешивал всех желающих на медицинских весах и измерял рост. И Зевс, и Пан, и Фемида-Павел были мгновенно вырезаны Женей из черной бумаги и приклеены к белому картону. Заканчивая очередной портрет, Женя говорил неизменное:

— Катово.

И, естественно, уже через несколько дней Зевс спрашивал у Пана:

— Женя-Катово на месте?

Боги не только приняли Женю в свою среду, но и сговорились на вечерней заре отметить появление Жени-Катова.

К морю вела аллея, на которую до независимости от пальм высаживали чахлые пальмы. В конце аллеи Женя поставил несколько ящиков, а на них водрузил "нарды", раскрыл их, приготовил бумагу, инструмент, открытки, "золотые" чернила и стал ждать первого клиента. В конце аллеи он устроился потому, что отсюда было видно море, силуэты танкеров на горизонте, веселые катера, пристань, боны, волнорез... Женя машинально взял ярко-синий картон, цветную копирку, сделал первые надрезы брит-

вой, недовольно выстриг что-то ножницами, бросил на картон желтую полоску пляжа, розоватый занавес неба, и вскоре яркое, кирпичного цвета судно-сухогруз легло на синий картон...

Когда Женя поднял голову, то увидел, что окружен плотным кольцом людей в купальниках и плавках. Они о чем-то оживленно переговаривались. Из внутренностей "нард" Женя извлек табличку и показал ее собравшимся. На табличке было написано: "Ваш портрет в профиль — это силуэт! Ваш силуэт — это наш сувенир для вас! Расценки приемлемые. Работает опытный мастер".

— А это... не больно? — спросила маленькая девочка, облизывая мороженое.

Мать девочки положила на "нарды" деньги и спросила мастера, имеет ли право ее дочь во время вырезания лизать мороженое.

— Катово! — сказал через минуту счастливый мастер.

Мать придирчиво рассматривала портрет, затем повернула девочку и как будто первый раз в жизни увидела свою дочь в профиль. Наступила тишина. Пауза была томительной.

— Это она, — наконец признала мать профиль дочери.

— А мороженое? — спросила девочка. — У меня на профиле нет мороженого.

— Вырежьте ей на сдачу мороженое, — сказала мать.

— Два, — сказала девочка.

На вечерней заре, когда солнце скатилось за тополя седьмой станции Большого Фонтана и затоптанные пляжи обнажились от людских тел, в подсобке мититейной собрались боги. Зевс, Фемида-Павел и Женя-Катово ужинали, запивая болгарским вином "Мельник" горячие мититеи. Сам мититейщик Пан, до отвращения за день надышавшись мясными парами, грыз засохший плавленый сырок.

— Тонковат на жилу народ пошел, — говорил Илья Михайлович Зевс. — От раньше рычаги сдвигали — так сдвигали. Я силомер два раза в месяц чинил. А теперь народ пошел с исключительно дамской силой.

— Зато тяжелый, — уточнял Фемида-Павел. — Становятся на весы — только и успевай гирьки двигать!

— А едят мало, — мрачно констатировал мититейщик Пан. — Раньше я им в день по пятьсот порций скармливал. А теперь... не едят, а кушают.

На Гаванную Женя пришел поздно, раскрыл "нарды" и вытряхнул на диван ворох денег. Светлана Александровна онемела.

После этого события начались политические и хозяйственные перемены. Была объявлена Независимость. В Аркадии всё стали ломать. Зевс,

Пан и Фемида-Павел сгнули в ее тенетах. Появились бары, платные пляжи и звучные названия ресторанов "Кобакабана" и "Эльдорадо". Светлана взялась вести нехитрую бухгалтерию мастера силуэта. Она уволилась из торгового и магазин канцтоваров приказал долго жить, купила раскладной стул и почти весь световой день сидела рядом с Женей в конце аллеи в Аркадии. Женя стал популярным, о нем говорили на пляжах Ланжерона и Отрады, а Светлана не только вела кассу, но и частенько одергивала увлеченного своим делом мастера. Когда он по просьбе клиента оформлял вырезанный профиль парусниками, танкерами, морской волной, Светлана Александровна делала мастеру выговор, потому что за это потерянное время можно было обслужить еще двоих-троих. Однако учебник анатомии и физиологии за седьмой класс, между страниц которого Светлана имела обыкновение класть наличные деньги, запестрел и зелеными купюрами.

У Жени-Катова появился ученик. Правда, его звали Григорий Маркович и он был вдвое старше Жени. Это был очень самолюбивый и не больших способностей человек. Он усердно учился мастерству силуэта, но его профили получались какими-то среднеарифметическими. Не было в них характера человека, настроения. Григорий Маркович любил порассуждать о глубине мысли и нераскрытых возможностях искусства коллажа, силуэта, но когда брался вырезать профиль бездомного аркадийского пса, у него нередко получался худой азиатский поросенок. Но это не мешало ему вести разговоры о создании частной фирмы "Профиль", и он мечтал о ее филиалах в Крыму.

...В те годы в библиотеке я видел много чудаков. Седой математик с орлиным взором Аристотеля и статью юноши пытался доказать периодичность непериодичных дробей. Бывший студент философского факультета работал на пилораме, а в библиотечной курилке рассуждал о происхождении одежды и доказывал, что татаро-монголы одевались плохо, отчего их в Азии заела мошка, и поэтому они пошли походом на Русь. Был еще любитель поэзии. Он настолько любил ее, что, получив в окне выдачи томик Мицкевича, был не в состоянии дойти до читального зала. Он садился на стул в вестибюле и тут же начинал лихорадочно переписывать стихи. Но он переписывал их особенным образом. Сначала он выписывал из всего сборника все первые буквы стихов. Затем все вторые буквы. И так далее. Когда он заканчивал свое увлекательное занятие, то приходил в такое возбуждение, что часто вызывали "скорую помощь".

Но то, что я увидел летним днем в прохладном полупустом читальном зале, меня поразило больше всего.

Возле меня сел за стол худощавый молодой человек в майке-сеточке. Профиль его был удлинен и в меру скуласт. Руки сильные с неестественно тонкими кистями и пальцами. Из-под рыжеватых густых ресниц в мою сторону на мгновение высветился отчаянно синий взгляд. Мужчина перелистывал избранное Пушкина. Перелистывал то в одну сторону, то в другую. Время от времени кивал, очевидно, одобряя текст. Затем, выхватив из папки ножницы и цветные листочки, принялся лихорадочно кромсать их, вглядываясь в пушкинские строчки, был чем-то недоволен, комкал нарезанные полоски, откладывал их в сторону, принимался кромсать новые... "Да, если он конспектирует Пушкина, то довольно странным способом", — подумал я.

Потом я сталкивался с ним в кабинете искусств, где он просматривал альбомы с репродукциями. Однажды он достал ножницы и, по своему обыкновению, принялся кромсать бумагу, но был тотчас остановлен сотрудницей кабинета. Она решила, что он вырезает репродукции.

Из читального зала я обычно уходил последним, но в этот раз последним был уже знакомый мне мужчина. Он получил из гардероба потрепанный портфель, а когда хотел положить в него папку, она выскользнула у него из рук, и по полу веером разлетелись нарезанные кусочки бумаги. Я помог мужчине собрать его сокровища. Это было нелегким делом: листочки прилипали к мраморному полу, я поддевал их ногтями и складывал на круглый стол. Листочки оказывались то женскими головками, то фигурками с тонкими шпагами. В одном из них я разглядел нечто знакомое и воскликнул:

— Да это Евгений! Из "Медного всадника". Но почему с ним Пугачев?

— А все Пучкин, — ответил мужчина. Он стоял на коленях и рыскал по полу пальцами музыканта.

Мы вышли на улицу Пастера и познакомились.

— Почему все-таки вы занимаетесь таким странным делом? — спросил я. — Вырезать профили... это что-то устаревшее, чистой воды анахронизм.

Он возразил просто, не пытаясь что-либо доказать: если он умеет это делать, значит, делать это надо. Кроме того, Женя сказал, что он не только вырезает профили, но и копирует репродукции разных художников. И мы отправились с ним на Гаванную смотреть его работы.

В комнате был включен телевизор. Светлана — жена Жени — и ученик Григорий Маркович сидели в полутьме. Зажгли свет. Меня поразили гла-

за Светланы: очень темные зрачки, в которых иногда вспыхивал медный отблеск. Она была красива, но фигуру и лицо портила едва заметная опухлость. Меня усадили на диван, и я стал смотреть Женины альбомы. Женя смотрел на меня. Григорий Маркович смотрел телевизор. Светлана на лестничной площадке смотрела, чтобы не пригорел сладкий перец, который она жарила с натертой брынзой.

Трудно рассказать, передать впечатления о копиях мировой живописи в альбомах Жени. Во-первых, он делал копии с репродукций. На свой вкус он покупал тоненькие книжечки репродукций и, полагаясь на интуицию, делал с них коллажи. Рембрандт, Эль Греко и Рубенс получались на коллажах грубовато. Но все-таки впечатление было неотразимым, странным. Как будто ребенок баловался с живописью великих. Но Брейгель, Матисс, Руссо и Пиросмани смотрелись на копиях-коллажах превосходно. Ученик у Жени был. Мне подумалось, что ему нужен учитель.

Утром я зашел за Женей на Гаванную. Точильщик Саша правил Женины ножницы, бритвы. Время от времени он выкрикивал в пространство: "Ожил, змея! Но шницель битвы до поры хочу!". Вместе с выкриками в пространство летели искры. Я с трудом разобрал, что слова точильщика вполне осмысленны. Они означали: "Ножи, лезвия! Ножницы, бритвы, топоры точу!".

Олег Соколов жил тогда на Ольгиевском спуске. Мы поднялись к нему на второй этаж по лестнице, где стоял невообразимый запах морских водорослей, карболки и кошек. В то время Олег благополучно миновал период жизни, когда человек проходит испытание алкоголем. Женя впервые в жизни попал к художнику, да еще в каморку-мастерскую, где не было ни сантиметра без графического этюда и графической фантазии. Но Олег впервые в жизни видел Женины альбомы.

— Вы моряк? — спросил он у Жени.

— Нет.

— А мне показалось, что вы были в Японии. Или, по крайней мере, в Италии. Хотя... я не знаю ни одного человека, который работал бы в вашей манере. Если хотите приходить ко мне — приходите. Будем разговаривать... Но как же мы будем разговаривать, если вы глухой?

Я объяснил. Олег рассматривал альбомные листы, на которых Женя копировал импрессионистов. Затем, прищурившись, перевел взгляд на Женю. Он смотрел на него, как на сумасшедшего: заинтересованно, но с желанием сохранить дистанцию.

— Поразительно! — сказал Олег. — До этого даже я не додумался бы.

Затем он обратился ко мне:

— Нет. Ты представляешь! Он все эти пуантилистские мазки, точки понавыврезал из цветной бумаги, высыпал на картон, и в результате получил "Арльских дам" Ван Гога.

Он прикрыл губы ладонью, чтобы Женя не прочитал по ним слова, и сказал мне, сделав страшные глаза:

— Кого ты ко мне привел? Ведь это же гигант! Ты представляешь, какую бы он сделал мозаику? А колорит? Гигант!

Олег в своих пристрастиях и увлечениях меры не знал. Но я был рад за Женю.

Почти все лето Женя пропадал в мастерской у Олега. Григорию Марковичу это было с руки, так как он все-таки набил руку по вырезанию среднеарифметических профилей. Не знаю, сколько бы это продолжалось, но к Жене стал возвращаться слух. Очевидно, процедуры, назначенные Эльзой Михайловной, сделали свое дело. Но слух к Жене возвращался медленно, и он это скрывал от всех. Кроме врача.

Однажды, в начале сентября, когда бархатный сезон золотисто засветился над Одессой, и на пляжах и на улицах города стало спокойнее без приезжих, улеглась пыль, и даже в середине дня дышалось легко, Женя работал над иллюстрациями к "Одиссее" Гомера. Светлана на лестничной площадке ссорилась с соседкой Антониной. В выражениях они не стеснялись. И Женя слышал все, хотя и не считывал с выразительных губ Светланы Александровны.

— Евроквартиру тебе твой глухой еще не выстриг ножницами? — вопрошала Антонина.

— Ты лучше ответь, что тебе наплавал твой моряк.

— Когда ты своего глухого выгонишь, я тебе отвечу.

Из дальнейшей перепалки Женя узнал, что Светлана не собирается жить с ним вечно, что у нее штурман-любовник, что она совершила с Женей ошибку по молодости лет и жалости.

На следующий день Женя исчез со своими альбомами в неизвестном направлении. Светлана ждала несколько дней. Съездила в Болград. Но там следов Жени не обнаружила. Когда она вернулась из поездки и вошла в свою комнату, то увидела, что многие вещи в ней оказались вырезанными из бумаги. Экран телевизора был из матовой бумаги и подклеен к картону под дерево. Тахта была вырезана из цельного и широкого листа. И гнутые стулья оказались из бумаги — на них было страшно садиться. Картина ее брата, проживающего в Молдавии, висела на стене, вся за-

клеенная радужными денежными купюрами... Григорию Марковичу пришлось вызвать "скорую помощь", потому что он застал Светлану, когда она разрезала картину брата на ровные прямоугольники. Ни на какие вопросы она не реагировала.

Светлане сделали укол и увезли на Слободку в желтый дом. Там она некоторое время утверждала, что Пучкин написал ей три альбома стихов, что какая-то Гильза Михайловна на самом деле шпионка и возвращает слух для того, чтобы выведать у шоферов государственные секреты, и что учебник анатомии и физиологии за седьмой класс написан по ее, Светланиному, организму. Потом она успокоилась, перестала глотать канцелярские скрепки и к весне была выписана. Теперь в аркадийской аллее возле ученика Жени-Катова Григория Марковича сидела очень расплывшая женщина. Она часами не двигалась, ничего не говорила, а только рассматривала профили из черной бумаги на сером фоне. "Нарды" по наследству перешли к ученику. И статью о Жене Григорий Маркович подклеил к заголовку газеты "Таймс" и скромно вещал, что о нем, о Григории Марковиче, пишут вот и в заграничной прессе. Если возле него останавливались с пирожками или с мороженым, Григорий Маркович гневался, разводил руками и говорил:

— Зачем вы здесь кушаете? Здесь работает художник. Я могу умереть каждую минуту от ваших пирожков.

Андрей

Андрею не спалось. Он осторожно встал, стараясь не шуметь, подошел к балкону и приоткрыл дверь. Было тихо, как бывает обычно летней ночью. Эту тишину поддерживали и нежный свист сверчка, и шуршащие под слабым дуновением ветра деревья, и тихое посапывание малого в кровати. Скоро зрение привыкло к темноте, и он начал различать стол со скатертью, стулья, ковер на стене. На полу, на надувном матрасе, разметав одеяло и подушку, спала утомившаяся за ночь Надя.

Андрей осторожно открыл предательски скрипнувшую балконную дверь и вышел наружу. Вдохнув свежего пьянящего воздуха, он зажмурил глаза и засмеялся счастливым беззаботным детским смехом. Неожиданно ему пришло в голову, что не грех бы и одеться — не приведи господь, увидят соседи, как он голышом ходит по балкону; но было жаль уходить от этого приветливого шелеста листвы, чистого воздуха, и он просто присел на табурет, накрыв ноги какой-то тряпкой, лежавшей на велосипеде.

Постепенно веселье ушло, но ощущение глубокой тихой радости осталось. Андрей еще раз крепко вздохнул полной грудью и стал смотреть на улицу. Мысли перебегали бездумно с одного предмета на другой, но постепенно приняли общую направленность. Надо в конце концов разобраться, что же такое произошло, почему так резко изменилась жизнь? В последние дни было время подумать об этом, но он гнал от себя эти мысли, опасаясь, что холодная логика заставит изменить принятое решение. Видимо, время пришло только сейчас.

Он с детства не любил насилия. В лет пять за домом он обнаружил Генку с Сашкой, выжигавших горячей пластмассой муравьев. Андрей долго объяснял им, что "муравьям тоже больно". "Мы же краснопузики", — оправдывался Генка. "Они черных обижают, и кровь с людей пьют. Вот Сашку укусили". Сашка спускал носок и показывал красный прыщ на ступне. Но, видимо, все же в его словах было что-то такое, что заставило их устыдиться. "Мы больше их не жгем, — через два дня торжественно объявил Сашка. — Мы расковыряли пластмассу, и они снова построили себе дом".

Потом был случай с раком. Николай Павлович поймал рака и отдал его ребятам. Поскольку Николай Павлович был ни кем иным как его дядей, ребята дали подержать рака Андрею, хотя он был и самый младший. Недолго думая, Андрей подошел к реке и выпустил бедолагу.